

Валерий Казаков

*Линия
листопада*

СТИХИ

Валерий Казаков
Линия листопада. Стихи

«Издательские решения»

Казаков В.

Линия листопада. Стихи / В. Казаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858925-6

В этой книге собраны лучшие стихи, которые были написаны мной за сорок лет творческой жизни. Буду рад, если хотя бы одно из них найдет путь к сердцам читателей. Запомнится, заставит задуматься или вспомнить что-то свое.

ISBN 978-5-44-858925-6

© Казаков В.
© Издательские решения

Содержание

Отражения	6
Тени	7
Подводный мир	9
Подводный народ	10
Омут	11
Вода	12
Над холмами	13
Вечер в России	14
В мире колдобин	15
Ода болотной ряске	16
Город	17
Речка	18
Девочка	19
Осенний вечер	20
Оттепель	21
Облака	22
Дорога	23
Л. Суворовой	25
Март	28
Весна	30
Уржум	31
Извини	32
Детство	34
Чехов и Левитан	35
Россия	36
Квадраты	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Линия листопада Стихи

Валерий Казаков

© Валерий Казаков, 2017

ISBN 978-5-4485-8925-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Отражения

Я отражаюсь в твоих глазах,
ты – в моих, если очень близко.
Свечи светятся в образах,
словно в заводи серебристой.

Липы тонут среди болот,
реки тучи уносят к морю.
Только в сердце – наоборот —
болью скажется всё, что скрою.

Только мысли, которым нет
места малого на странице,
никому не дадут ответ,
что в душе у меня творится.

Отражения наготы
тайн, сроднившихся как семья.
Тайна главная – это ты.
Отражение – это я.

Тени

Этот мир нереален, он только тень,
что вплетает себя в орнамент
тихой жизни на час иль день,
или просто – на память.

Тени движутся, но, увы – не живут,
путь их призрачный незаметен.
Тени копятя, тени чего-то ждут,
ни следов от них, ни отметин.

Тени видно, пока темны,
но в неясном полночном свете
тени твердо убеждены,
что они властители на планете.

Что они и во тьме, как в глазу слеза —
средоточье смысла на чувственной грани.
Но пугает их среди ночи гроза
вспышкой света, которая ранит.

Среди теней и отражений
живем, размеренно дыша,
но к свету просится душа,
в просторы снежных отложений.

Где ель на паперти холма
у тучи просит подаянья,
и где пространство без названья
сведет художника с ума

своим простором серебристым
на фоне леса и реки,
сияньем призрачным и мглистым,
тропой звериной в две строки.

И холодом, который сед
от трубной музыки метелей.
Здесь солнце светит две недели,
а пасмурно – десятки лет.

Здесь снег не тает на ресницах,
лежит на ветках и домах,
и не понятно, что творится

в людских умах.

Подводный мир

Мир, что лишен очертаний обычных,
где всё размыто, туманно и смутно,
где неизменно зелёное утро
прячется в джунглях, для нас непривычных.

Где облака, как гигантские щуки,
тихо плывут, шевеля плавниками,
и невозможно простыми словами
всё объяснить от любви до разлуки.

Где нет цветов ярче белых кувшинок,
что протянули зелёные нити,
и никаких не бывает событий,
кроме разлуки из двух половинок.

Где стрелолист распускается ночью
между водой и белесым туманом,
и среди трав можно видеть воочию
то, чем украшено дно океанов.

Где у русалок рождаются дети
Розовощекие, словно амуры,
где песнопения без партитуры
с тихим журчаньем проходят сквозь сети
времени, что ускользает бесследно,
и лишь тоска проживает оседло.

Там невозможно прожить без сомнений,
что дополняют подводные планы,
заросли тины, забытые страны,
всполохи тихих подводных прозрений.

Подводный народ

Здесь ничего не случается просто так.
Здесь вода цвета желтой мути.
Случайно пришедший сюда рыбак
не понимает озерной сути.

Здесь тихо, только слегка шелестит камыш,
жирно отсвечивая на тонких сгибах,
да чешуя поблескивает на рыбах,
которых холодностью не удивишь.

На всём пространстве этих древних болот,
в темных водорослях, процветающих ныне,
здесь безголосый живет народ,
а рыба главная укрывается в темной тине.

Лишь ей дозволено в этих водах шалить:
ударять хвостом и пугать лягушек.
Наш подводный народ от природы послушен,
он не может обидеться или возразить.

Толща водная придавила его,
словно беды, скопленные веками.
Вот и стоит он, едва шевеля плавниками,
и кажется, будто не нужно ему ничего.

Омут

Есть один на свете омут,
тот, в котором мысли тонут,
где холодная вода
от поверхности до дна.

Там от берега в осоке,
в темном зеркале воды
смутно видятся истоки
человеческой беды,
пни, сучки и корневища,
что смущают жизни гладь.
То, что в юности мы ищем,
чтобы к старости понять.

Преломленные сознанием,
отраженные в веках,
здесь томятся мироздания
в чешуе и плавниках.

Здесь протягивают нити
ряска, донник и куга,
и не мерцает цепь событий
от песка до ивняка.

Здесь не холодно, не сухо,
только дышится с трудом,
и неясное для слуха
отражается вверх дном.

Все мы тут как отраженья
чьих-то мыслей или дел.
И бесшумное скольжение —
наш единственный удел.

Вода

Не отражай меня вода,
не путай небо с облаками.
Они – с округлыми боками,
я – угловатый, как всегда.

Не раздражай меня, вода,
своим пространством бесконечным,
порывам чувств, свеченьем млечным,
смятеньем ветренным с утра.

Пусть тени ходят по песку,
восторгом душу не тревожа.
Привыкла отражать тоску
моя морщинистая рожа.

Всё в мире медленно течет,
всё изменяется и тает,
и детская душа не знает,
куда судьба её влечет.

Где мелководье тихой лжи,
где омут будущих страданий.
Вода остывшая бежит
по дну несбывшихся желаний.

Над холмами

Над холмами, возникающими из пустоты,
здесь всегда возвышаются елей кресты.
И повсюду кристальная снежная пыль.
Здесь сугробы годов утрамбованы в быль.

Здесь мольбы затихают под толщею льда,
и словесная льётся с экранов вода.
Уплывают кораблики под мосты,
и на мачтах покачиваются кресты.

Птицы вороны здесь на закате парят,
от деревьев прочерчивая диагональ.
Речку тайный подпитывает мистраль —
и не мерзнет она много лет подряд.

Заплутав в холмах, как мужик хмельной,
ищет речка к заводи путь прямой.
Но не встретишь в России прямых путей,
снег в России навечно, как мавзолей,

где хранится тот, чей священный прах
нам оставил родину всю в крестах...
Ты не умер ещё, но уже воскрес,
и в подарок тебе – на пригорке крест.

Вечер в России

Вечер,
пюпитры столбов вдоль дороги,
ветер играет навязчивый блюз,
а на бугре – березняк длинноногий —
листьев и снега нежданный союз.

Как это всё повторяется странно,
словно один нескончаемый сон,
где всё расплывчато, где всё туманно.
Скрипка звучит, ей труба в унисон.

Кто там не спит, утонувший в тумане?
Чей там горит одинокий фонарь?
Темным пятном в голубом океане
птица летит в необъятную даль.

Крикнула что-то – мурашки по коже.
Снег растворяется в сумерках дня.
Как это всё на Россию похоже,
как это всё угнетает меня.

Холоден белый снег.
Холоден белый свет.
Лед – на изгибах рек,
жизнь – на излете лет.

Сердце не даст ответ,
где она – грань утрат.
Вьюга поет с утра,
в окна стучит рассвет.

Все мы из этих мест.
Сердце болит от ран.
Ель на бугре, как крест,
а над рекой – туман.

Здесь не смогла струна
прерванный звук продлить.
В белых снегах страна,
в серых разводах жизнь.

В мире колдобин

В мире колдобин, камней и ям,
где не случается легкой дороги,
я выбираю хорей и ямб,
чтобы привычно шагали слоги.

Слышу я музыку в крике ворон,
где поутру чуть колышутся дали.
Тени от сосен покрыли склон
и в синеве перелеска пропали.

Здесьняя живопись – в ликах святых.
Только у Бога просить услуги.
Ладаном веет в просторах пустых
под литургию нагрянувшей вьюги.

Ода болотной ряске

Среди кувшинок, там, где тонут,
шурша от ветра, камыши,
где ива серебром души
заполнила зеркальный омут.

Где сети выкинул восход
на воду цвета киновари,
где песня есть у каждой твари,
а у властителя – народ.

Где ночью омут сердце ранит
своей глубинной чернотой,
и берег округляет грани
вселенной темной и пустой.

Туда притягивает ряска
меня, познавшего успех.
Она, как позабытый грех,
как стыд скрывающая маска.

Мне ряска год от года ближе.
Она затаит боль и страх
и в лилиях, и в камышах,
в Нолинске древнем и в Малмыже.

По всей российской широте,
где тот же цвет и те же краски.
Где дань, увы, не красоте,
а временной болотной ряске.

Город

Проволочную скуку гну.
Скука тянет меня к окну,
а в окне облака грядой,
город старенький и седой.

Тонет он в синеве теней,
словно маленький мавзолей.
В нем ни грома, ни тишины,
только музыка – со стороны.

Только ветер, несущий пыль,
что родилась на дне веков,
то ли выдумка, то ли былъ —
песнопение каблуков.

Дробь минут и шаги часов,
дверь в запретное и засов.
Цепь для прочности и крючок.
Что за дверью – о том молчок.

Ты не стой на пути чужом,
дверь откроется – в никуда.
Это будет ещё хорошо,
Если там за дверью – звезда.

Лучше выслушай изнутри
скрип петель и сумей понять,
сколько двери не отворяй —
от себя уже не уйти,
город каменный не обнять,
и полями не обойти...
Он всегда на твоём пути.

Речка

Жизнь начинается там, где исток
речки, которая в зарослях вьётся,
кружится, тянется, тенью прервётся,
ветвью, купающей в ней лепесток,
камнем, запущенным в воды залива,
птицей, летящей наискосок,
рыбой, пугливо блеснувшей со дна,
мыслью, которая обнажена.

Словно сквозь годы текущий поток,
речка всё вымоет в мыслях до срока,
высветит то, что почувствовать мог,
если б душа не была одинока.

Девочка

Картина мира выглядит непросто.
Она порою скроена убого,
но на картине девочка – подросток,
чей взгляд непритязателен и робок.

Серов иль Репин – нам какое дело,
кто подарил ей пагубную славу.
Она глядит светло и неумело
на древнюю печальную державу,

где паруса надежд всегда надуты
очередным нелепым искушеньем,
где, лязгая, смыкаются редуты
перед большим бессмысленным сраженьем.

Она не остановит этой смуты,
она привыкла видеть мир иначе.
Но знаю я, что каждую минуту
она осознает, что это значит.

Не потому, что сердце неумело
колотится под платицем убогим,
а потому что в юности несмелой
ничем не провинилась перед Богом.

Её не знали Павел и Иаков,
ей не читал никто святых писаний,
но отчего-то ей хотелось плакать
у царских врат в годину испытаний.

Осенний вечер

Осень, словно мир подводный,
льдом закованная даль.
Поцелуй её холодный,
непривычен, как миндаль.

Выхожу гулять под вечер,
ветер дует мне в лицо.
Мир беспечен, но не вечен.
Жизнь – незримое кольцо.

У кольца – привычный образ:
нет начала, нет конца.
Вот и встретились мы оба
у знакомого крыльца.

Ты сказала: «Всё напрасно.
Я другая, ты другой.
Мир подводный, мир неясный
окружает нас с тобой».

Осень выставили сети,
сердце замерло в груди.
Я один на белом свете,
и разлука впереди?

Оттепель

Оттепель, капли дождя на березе,
в небе туманная серая и муть.
Липы застыли в скучающей позе,
вяз у плетня попытался зевнуть.

Темное всё, всё – осенняя слякоть.
Мысленно выйду во двор погулять.
Там куст калины, готовый заплакать,
красный гостинец сквозь ветви видать.

Холодно. Это должно быть от ветра.
Ветер и влага не дружат со мной.
Мысленно пройдено два километра,
значит, пора возвращаться домой.

Я одинок, словно скрипка Россини,
Я не люблю этих сумрачных дней,
но на просторах холодной России
ясные мысли приходят ко мне.

Облака

Уплывающие, словно белые корабли,
облака, что когда-то были на суше,
в небе свои очертания обрели,
а на земле оставили души.

Ляжешь навзничь и лежишь на снегу,
о холоде вовсе не беспокоясь.
Думаешь, я ведь тоже летать смогу,
если позволит совесть.

Над вершинами сосен как над сплетением рук,
так высоко, как позволено только птице,
там, где небесный замыкается круг
у времени и судьбы на границе.

Между там, что уходит, или ещё не сбылось
в темных зарослях послевоенных буден,
что-то выросло и к теплу прорвалось
на окне в жестяной посуде.

Первым словом в сознание – как стрела,
та, что пронзает светом сквозную рань,
мама ко мне наклонилась и произнесла
это странное слово: «Герань».

Это облако красное, подумал я,
оно постоит немного, а потом уплывет.
Вся украшена облаками земля,
а если на землю ляжешь —
то наоборот.

Дорога

Где ты, Россия дремучих окраин?
Выкрашен кадмием чахлый рассвет,
ультрамарином лесок затуманен,
охрой окрашен церквушки скелет.

Мекка художника, тень вдохновенья
в сером тумане любви и утрат.
Скопом лежат вдоль заборов поленья,
клены о чем-то своем говорят.

Две колеи вдоль дороги осенней
манят пойти, но куда – не пойму...
Сколько ещё проплывет поколений
здесь, по ухабам, твоим в синеву?

Когда приходишь ты ко мне,
как тень приход в зимний вечер.
Когда в твоих руках перчатки
такие мягкие на ощупь,
невнятно-черные, немые
и пахнущие талым снегом.

Когда ты смотришь без привета.
Когда в окно стучится роза
когтистой веткой без листвы.
Когда сминается пространство
от лип вдоль сада к горизонту,
где смутно что-то зеленеет.

Тогда я сам готов поверить,
что слово ничего не значит,
что можно говорить молчаньем,
прощаньем, мимолетным взглядом,
и дробным стуком каблуков,
звук от которых затихает
в аллее лип на горизонте,
где смутно что-то зеленеет...

И только тут я понимаю,
что, может быть, люблю тебя.
А, может, просто ненавижу,
за то, что ты меня пленила
не красотой пока – шипами,

молчаньем, мимикой, испугом.

Л. Суворовой

Выйду и вижу на улице осень,
ветви и снег, укрывающий крыши.
Небо усыпано листьями вишен,
день проплывает легко неслышно.
И не понятно, что ниже, что выше?

Мне бы герань на столе в эту пору.
Красный букет, словно тень занавески.
А за окном, в синеве косогоров,
снег, облака, на холме перелески.

Там где-то холод, и лед, и печали
вынудят жить по заслугам и чести.
Нет, не хочу я ни славы, ни лести.
Хочется, чтобы не замечали...

Как это всё происходит на свете,
в сердце моем и немислимой дали —
жив только образ (ничей), только ветер.
Крыша, букет, отголосок печали.

Там, где от речки – напрямик —
лесной дороги половики
под дуги лип и до плетня,
где гаснет перспектива дня,
ты у калитки ждешь меня,
чуть на бок голову склоня.

А может быть, уже не ждешь.
Воспоминания стерев,
разлука ходит меж дерев.
И в теле пробуждая дрожь,
на лацкане – снежинки брошь,
и вечер ветреный хорош.

И не поймешь, где явь, где сон.
Гудят деревья в унисон,
и дятел долбит по сосне
то ль наяву, то ли во сне.

Ты через лес идешь ко мне,
ты мнешь дороги половики,
и холод под пальто проник,

и брошь на лацкане блестит,
и птица над тобой летит.

Та птица не бросает тень
туда, где скоро гаснет день.
Ты мерзнешь, муфту беребя,
но ангел сохранит тебя.

Удивляюсь я этой русской шири,
где не видно краев, полюсов и граней.
Будто окна в комнате у меня промыли,
а под окнами насадили гераней.

Или, может, рядом с домом герань не садят,
от неё, говорят, розовеет вечер.
Выйду лучше пройтись по саду.
У моей калитки скрипучей речи
лишь о холоде с ветром, который ранит,
если выстудит дом незнакомая дума.
Снегом выстрелит север, словно из дула,
в мае холод опять нагрянет.

Слово за слово – смыслом застит
даль, которая как подкова.
Я приветствую поздний вечер: «Здрасте».
Мне мычаньем из тьмы отвечает корова.

Я зимою стихов не пишу,
в них искрятся холодные грани.
Печь топлю и воды приношу,
чтобы ярче горели герани.

Чтобы ранним восходом весны
за окно, сквозь плетенье сирени,
проступали зелёные сны,
полукруглые листья и тени.

Все разрушается преграды,
пока о них мы правду знаем,
пока мы собственные взгляды
в глазах любимых отражаем.

Мы отражаемся от будней,
в которых радости и горе,
где всё свершается подспудно
по чьей-то непонятной воле.

Мы отражаемся от взглядов,
в которых нет мольбы и страха.
Единственное, что нам надо —
почувать широту размаха.

Потери первые, поверь,
нас ждут за кромкою усталости,
где тихо приоткрылась дверь
в скрипучие просторы старости.

Она не манит, не зовет
и не прельщает светом истины.
В её пространстве только лед,
холодный снег да звуков выстрелы.

Но если старость подошла,
к чему немые сожаления.
Ведь жизнь – всего лишь продвижение
к добру от нажитого зла.

Март

Весна растворяет снегов осадок,
лезет с советами, как полюбить
метлы деревьев за старым садом,
сонной реки голубую нить.

Кажется ей – это очень просто —
вникнуть в поэму солнечных дней,
где даже тень тяготеет к росту
и расстояния всё длинней.

Вмятина озера без оправы
хочет стать зеркалом и в ночи
жметя к темному телу дубравы,
ловит луны золотые лучи.

Март – окраина снежной стужи,
мир мечтаний и небылиц.
Вечер смотрится в лоно лужи.
Люди ждут возвращения птиц.

Зеленым окрашен восток
над лесом ветвистых строчек.
Так утро рисует восторг
на темном мраморе ночи.

Так водит кистью рука
художника в гулком храме,
где вместо картин – облака
в широкой небесной раме.

На куполе, что промыт
намокшими облаками,
вороны поют псалмы
гортанными голосами.

И свечка сосны горит
на фоне еловой чащи.
И кажется мир звенящим
лучом, уходя в зенит.

Исколотый иглами елей,

ночуя в холодной чаше,
приду я к тебе в апреле
капелью в ночи звенящей.

И словно подсвечник медный,
сжигая в объятьях душу,
я буду стоять в передней,
я буду молчать и слушать.

Свои обжигая руки
и капая слезным воском,
я сердцем услышу звуки
твоих роковых вопросов.

И даже не видя взгляда,
который горит укором,
я знаю – прощать не надо...
Я знаю – поймешь не скоро.

Весна

Зачем пришел на землю синий март?
такой пронзительный, как небо на закате.
Зачем грачи сидят на снежной вате?
и время тихо пятится назад,
освобождая окна от гардин
ночной парчи на перекрестьях рамы.
Во мне таилось множество причин
для горечи. Но ты ждала не драмы,
а прежнего порыва нежных чар,
растаявшего льда противоречий,
той музыки, которая не лечит,
а вдаль летит, подобием луча.

Хочу опомниться, хочу тебя обнять,
но ты молчишь, не поднимая взгляда.
Мне кажется, что ты весне не рада.
Белесым инеем твоя мерцает прядь,
рука уперлась в бледную щеку,
в глазах – непониманье и холод.
Ну что с того, что я уже не молод,
меня мечты неясные влекут
куда-то вдаль, вслед за полетом туч,
где солнцем переполнены границы
полей и рек. И где кочуют птицы
от леса до запруды горных круч...

Ты раньше представлялась мне другой,
ты лед топила в самый лютый холод.
Я полон сил, я снова юн и молод,
а ты больна несбыточной тоской.

Уржум

Маленький город на снежном холме
солнцем мартовским обездвижен.
Зданье плюс здание, плюс храм в уме,
глыба гостиницы – к центру ближе.

Рядом с городом издавека,
в сонных горах пробивая дорогу,
мутным потоком течет река,
пасмурный лес навевает тревогу.

Где тут истории новизна?
взлет и падение полной чашей.
Тихой капелью поет весна,
криком ворон отвечает чаша...

Где-то на Сене стоит Париж
с башней, которая к небу ближе.
Но для уржумца милей Малмыж,
а ещё – воробьи на крыше
серые. Точно такие, как наша жизнь,
где вечно ссорятся и дерутся,
руша привычные миражи,
верные долгу враги революций.

Родина Кирова, город музеев,
лента дороги в узорах ям.
Красным окрашен судьбы мавзолеев.
Белым сияет небесный храм.

Извини

Я тебе изменил, извини.
Ты опять оказалась права.
У тебя на плечах – голова,
а в моей голове – звенит.

Ты меня извини, извини,
в изменениях наша жизнь,
словно в лифте бегут этажи,
или это – камень с души...
Ничего уже не изменить.

Только там внизу, у земли,
где скупая проза забот,
ты опомнишься вдруг – и вот
напоследок – глоток любви...

Я тебе изменил... Укори.
Не гляди с ледяной тоской,
не ходи вдоль стены пустой.
Слов жестоких наговори.

Не люблю равнодушных глаз,
в них разбились мои мечты.
Кто там в зеркале? Это ты?
или свет погасшей звезды?

Извини меня, извини.
Я не понял твоих причуд.
Ты в ночи улетишь в зенит.
Я вослед тебе прокричу:
«Извини».

Снег не растает, потому что в нас
есть холод отчуждения и тревоги.
И свет звезды, что никогда не гас,
исчез в конце ухабистой дороги.

Хотя пока мелодия звучит,
и барабаны ритм не потеряли —
мы что-то видим в пасмурной ночи
между холмов спрессованной печали.

Звучит мелодия, петляет как река,

завет куда-то. Тихо плачут дети.
Блестит вода на веслах рыбака,
меж облаков закинувшего сети.

Ворона на сосне, как контрабас
солирует – черна и одинока,
провозглашая полуночный час,
отмеренного для свиданий срока.

Привычно громко ухает сова,
ей эхо отвечает из долины.
И на венцах лавровая листва
шевелится от теплой середины.

Увенчанные славой и гусяры
с опаской прячут жалкие награды.
Пугает их приход чужой весны,
ломающей привычные преграды.

Детство

Всполохи жизни,
и судеб узоры.
Зимний мороз,
остужающий взоры.

Прелести мира,
который обещан.
Право любви
вместе с правом затрещин.

Детство узорное
в линиях рамы.
Серые здания,
мертвые храмы.

Лики незримые
в красном углу...
Кажется,
я никогда не умру.

Чехов и Левитан

На путях, где пырей да ковыль,
подорожник, да пара берез,
Левитан из раздумий слез
созидает российскую быль.

Рядом с Чеховым и тоской
непростой и невзрачный пейзаж,
из которого если создашь —
то не песню, а тихую боль.

Что же значат они для нас
в неуютных просторах Руси,
где в холодной ночи моросит,
альт играет и контрабас...

Только Чехов и Левитан
этот сумрак могли понять,
эту ношу, что не поднять,
эту даль, что ушла в туман,
тайну эту,
или обман.

Россия

Непонятная для чужих племен —
из тумана серого и мечты,
в платье белом или в огне знамен
появляешься на рассвете ты.

На поверхности ледяных зеркал,
где река, как небо в длину и ширь,
кто тебя бескрайнюю отыскал?
Кто поверил в сумрак твоей души?

Те, кому понравился блеск снегов,
скрип саней по полю издалека,
затерялись в дебрях из облаков
на ветрах, пронизывающих века.

На путях немислимых, но прямых,
где по-птичьи громко звучат слова.
Наша жизнь – обманчивый белый стих,
где от стужи кружится голова.

Квадраты

Каждый день просыпаюсь и, молча, смотрю за окно,
что там нового, или по-старому серо.
Две березы и ель под окном надоели давно,
только небо другое, а, впрочем, какое мне дело
до того, что творится в миру, драпированном в тюль
отчужденья с охранной системой заборов.
Где в горбатой стене – дырки, словно от пуль,
от покинувших доски сучков,
от пронзающих душу укоров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.